

Воспоминания

НАЧАЛЬНИК СЛУЖБЫ РБ СФ НИКИЭТ
ПЕТР ИЛЬИЧ НОВИКОВ (вып. 1977 г.)

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

П.И. Новиков

...К осени гробница была готова. В том месте, где стоял реактор, повисла черная железобетонная глыба. Впечатало. Даже с экрана телевизора. Народ посмотрел, подумал-подумал... и ничего не сказал. Промолчал. Ждали чего-то еще. Еще какой-нибудь пакости.

Скоро вышло постановление — перелопатить и залупить в работу третью энергоблок. (Большая радиактивная головешка. Внутри — выгребная яма).

Постановление тут же взяли в работу. Набросали схему, расчертили планы, записали сроки. Потом спустился циркуляры, и пошло- поехало.

Способ добровольного принуждения с упором на «человеческий фактор» позволял быстро добиться нужного результата. Весной восьмидесяти седьмого года в районе Чернобыля появилась очень много людей в военной форме. Что - то вроде ополчения из уже немалодуха военнообязанных граждан. Прибывающий «человеческий фактор» тут же попал в

объятия бесперебойного армейского механизма. Тридцатикилометровая зона стала самым большим в мире палаточным лагерем, огороженным колючей проволокой. Вместе с прилегающими населенными пунктами, в которых тоже стало полно военных, весь этот гигантский загон, опоясывающий атомную станцию, сделал вроде плацдарма для ведения боевых действий на третьем блоке.

Сам город Чернобыль напоминал учебные фильмы по гражданской обороне. На улицах пусто. На фасадах домов зловещая свастика — цифры замеров радиации, чем-то белым. Попадающиеся прохожие, через одного — в респираторах. Либо на лице, либо приспущены на шею. На пустырях, возле отхожих мест, горы забитой домашней птицы. В садах, на огородах, из-под снега — бурьяны. Внутри частных жилых построек — свалка. Людей слеза в здании, которые долго мыли и терли с мочалкой. Их немного: школа, детский сад, небольшое количество жилых домов, несколько других построек. Из мест обитания, кроме жилища, — административные здания, автовокзал, столовые, клуб, магазины (есть военгородковский).

Ближе к окраине города, в глубине большого массива частных жилых усадеб — двухэтажное кирпичное строение. Детский садик — живут командированные. Направлены в Чернобыль с предприятий системы Минсредмаша.

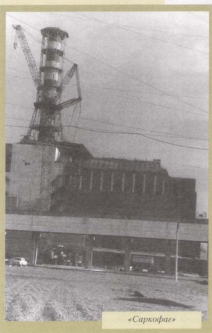
Уже в мае, однажды выбираешь вечер, когда солнышко, — идешь прогуляться. Выходишь — кругом зелено. Все благоухает, исходит запахи. Защищай каштаны. Отламываешь ветку: комары. Жалят, как пчелы. Идешь в усадьбы. В палисадниках возле особняков — тюльпаны. Целые огнелища. Очень радуют глаз. Из всех культурных растений это самый живучий. Невиданных размеров, ненатуральной яркости и красок. Похоже, им здесь во благо, никто не мешает. И почву удобрили — лет на сто. Или на двести.

Где-то рядом кудахчет курица. Она кудахчет, и пусть кудахчет. Мирная музыка тихой окраины, полегоному тербит слух. Потом вдруг — как поленом по голове: — откуда ей взяться-то, ведь их всех перебили — сам видел. Оставалась, на-

чинаешь прислушиваться, идешь на звук. — Где-то аверку, на дереве. Поднимаешь голову, — своркоет! Сидит стераец, на березе и натурально кудахчет. Как несудка. Жаль не несется. Язык не дает. А может, дает. Никто не проверил — на березу лезть неохота. Тут же рядом откуда-то заилился две обезьяны незлые собаки. Обе страшнотухие — бока провалились. Также смотрят на своркоца. Также с глумливыми мордами. (Также думали — курица.)

Возле одного из домов — пожилая чета. Не иначе как сами хозяева. Ножницами срезают тюльпаны и бережно укладывают их в большую корзину. Оживленно переговариваются. Увидев постороннего, замолкают. На лице становится тень. Следует еще один недолгий взгляд — тоска, обида и неприязнь одновременно. В твой адрес не говорят ничего. Ни единого слова. Ссутулившись и опустив глаза, молчаливо порицая вторжение. Испытываешь крайнюю неловкость. Язык делается костью — не чувствуешь, что он есть. Нырять под землю и стараться по-тише, побыстрее уходил. Так, полусогнувшись, пересекать сады и выходясь на большую длинную улицу. Прямоку, широко, с тротуарами.

Два милиционера зацепили арканом и тащут куда-то теленка, еще совсем маленького. Теленок туча не хочет, упирается. Не смолкает, кричит — зовут кого-то. Сзади насадет свора собак. Лают — заливаются, до хриплоты. Милиционеры делают на них замачи пистолетами — те разряжаются еще больше. Милиционеры тоже нервируют. Также громко бранятся. Также — так, что слов не разобрать. Прохожие в панике перебегают на другую сторону. Сидеть их примеру. В конце улицы, справа, возмывается церковь. Очень красивое здание. Подходишь ближе. Кресты отделаны чем-то зеркальным. Сверкают, переливаются, изливают свет, — будто как сами они и есть источник этого сияния. Вход в главное здание и все надворные постройки на замке. Чистота и порядок. Ни единой соринки. Забирает дурацкое любопытство. Потянувшись вверх, зацепляешься пальцами под изгиб жести оконного слива и рывком вскарабкиваешься на округлый выступ, окаймляющий понизу стены здания. Прислонив-

«Саркофаг»

шись к стеклу, напрягаешь зрение.

Внутри — образец достоинства. Откуда-то сверху — спокойный неяркий свет. Шкафчики, полочки, выдвижные ящики — в полной акуратности. Один ящикек немного выдвинут. Виднеется ровная стопка каких-то бумаж. Присутствует степенность, добрая метрополивая рука. Одушеение — будто только что вышел, на чуть-чуть отлучился. Вот-вот кто-то появится, не спеша обойдет все с тряпочкой, попереберает бумажки, задвинет ящикек и тихо уйдет. До лучших времен.

Вспоминаешь картину бегства, которую видел внутри громадной котормы некогда мощного стройуправления, под самыми ногами у станции (смотрели с прибором придонную мебель). — Все шкафяки и все сейфы вывернуты наизнанку и либо лежат на боку, либо навзнич, либо еще как — но только не стоя. Столы и диваны, наборот, — все вертикально. Невозможно ступить, — на паркетном полу всюду рослыми канцелярского вторсырья: приказы — протоколы — инструкции; поленожия — уложения — приложения. В разлопоченном зале — свалка гербовых бланков. Самых разных калибров, — от похвальной грамоты до симпатичной картонки: корочки ударишка труда. То же самое между рамами в окнах — битком, даже стекла прогнущис.

Подвернулася нога — спрыгиваешь на землю. Отходишь на расстояние и пово-

рочиваешься. Забираешь рукой шапочку, задрал голову, — смотришь. Стояшь букашкой. Потом какое-то время пятишься задом, и лишь сильно сплотновшись и едва не свернув себе шею, принимаешь нужную ориентацию. То и дело оборачиваешься на купола, выходящи на то место, где почти уже нет домов, и по крутому склону спускаешься к реке. Вдоль реки берегом тянется невысокая размытая дамба — не то из песка, не то из глины. Какой-то чужак купается. Предпочитает нагишом. Речку переплывает, — думает, что это банг. Возле воды полно рыбаков, большей частью из местных. Вовсю жгут костры — варят уху. Подходишь, — постоять, понахвать дымку. Интересноешься уловом. — Von там, — говорит, — в кустах. Не рыба — зверюга бешеная. На людей бросается. Прямо из воды. Как крокодил. В кустах двигает жабрами здоровенная щука. Поминутно делаются новые попытки. Отходишь подальше. Глаз злобный, — страшно.

Идешь краем берега возле самой воды. Продираешься сквозь кусты — небольшая баржа. Бортом привязана к берегу. Медленно приподнимается и опускается на спокойной воде. На барже — плотный парень в застиранной телняшке. На голове настоящая капитанская фуражка с глянцевым козырьком. Облокотился на перила, курит. Дымит как паровоз: бросил одну — взял из лачки другую. Пробуешь войти в контакт: — Поплаваем? Вынимает изо рта папиросу, сплевывает сплюной в воду, смотрит ничего не выходящим взглядом: — Отплавались. Злишься на себя за свою глупость и поворачиваешься назад.

В город возвращаешься уже другой дорогой. Широкая, но тоже круто в гору, с поворотами. Быстро зарастает травой. По обе стороны — высокие деревья, черной стеной. Кустарник лезет прямо на дорогу. Идти становится тяжелее — устал. Смертася. Снова удивляешься быстрой молодой листвы — далеко вверху шумят густые кроны. Остановился, задрал голову — слушаешь. С шумом вылез из кустов и залез обратно толстый невоворотливый заяц. Или зайчика. Где-то за рекой закуковала кукушка. Еле слышно. Только начинаешь отсчитывать — уюлочка. Наверное, послышалось. Вдруг, внезапно — яростная атака: откуда-то с неба, из темноты — огромная сова. Штурмовиком — прямо на голову, на белую шапочку, когтем в темечко, — чуть мозги не высидала. Удираешь. Сердце стучит. Больше не останавливаешься.

От города к станции — асфальтированная дорога. Разбита вдребезги. По этой дороге ходят самые надежные в мире автобусы — внутри салон уделан листвою свиной толщиной в палец. В лобовом столкновении конкурируют с танком. Выпирающие из колес кое-где уцелевшие кочки асфальта сбивают с ринта — просыпаешься. Смотришь в стекло: дорогу пересекает лось. Бежит бегом. Торопится. Мчит во весь дух — весна. Так и

умчит — прямо до колючей проволоки, там остановится. Постоит, подумает, о столбы рога почешет. Ревом выразит неудовольствие и зашагает, затрусит обратно — на другой конец уголья. Не поминает, чудной, что теперь он уже не лось, а чаблюдоядая особа. Источник научного знания, — Вот тебе и сохальи!

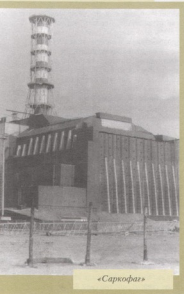
На обратном пути автобус иногда останавливают и заворачивают его на ПУСО — пункт санитарной обработки, чуть в стороне от дороги. Армейский дозиметрист и военные химики по колено в бурой жиже. У дозиметриста на рукаве бушлата красная опознавательная повязка с крупной надписью белым шрифтом: «ДОЗИМЕТРИСТ». Химики — в непромокаемых комбинезонах. Лицо тоже укрыто. Чем-то фильтрующим, болотного цвета, глупие дугообразные очки - маска. Химики атакует автобус тугой струей из шланга, долго бьют по колесам. Затем включают душ. Дозиметрист делает замеры в полагающихся по уставу контрольных точках, сверяет показания с предельными цифрами. Дает отмашку: — Можно ехать, — стерильно.

Каждое утро по направлению к станции вытягиваются вереницы автобусов — везут свежую рабочую силу, в том числе много новых людей. Сойдя на землю, бойцы, которые впервые увидели станцию близко, с неприличия немного робуют, подбадривают друг друга громкими головами. Потом все вместе выравниваются в шеренгах, выслушивают командиров и, сделав камешные лица, строем уходят на задание.

Погожим апрельским утром получивший задание боец стремительно подползая вверх и оказался на одной из пустующих верхних энергоблока №3. Небольшая продолговатая крыша, отметка плюс двадцать. Продолав нужную работу, он поднял голову и какое-то время наблюдал в неподвижности: удивлялся на горизонты.

Фамилия бойца была Белов. Второй месяц уже как приехал. Неблизко — с Урала. А лет десять до этого кончил физтех. Дозиметрист. С инженерным уклоном. — А что — неплохая профессия. Культурная. В народном хозяйстве необходима. Как закончил — послани: час езды от Свердловска. Автобусом, «Предприятие Зеленова». (Сказали, что-то секретное.) Пошел посмотреть, что такое, да там и остался. Оказалось, научный реактор. Там это все и увидел. В самой натуре, воочию. Потом, уже ближе к событию, Белова там сделали вроде начальника. По ихней по всей радиации. (Длинного роста мужичуно хотели иметь в этой должности.) Потом и оно подоспело. — Циркуляр из Москвы, телеграфом: — В Чернобыль. Двух человек. Один — непременно чтоб был инженер (для чего-то до сих пор непонятно). Подобрал спокойнющей напарника, собрался, присели, поехали.

Работа, которую надо было проделать на третьем блоке в самую первую очередь, имела штабное название «дезакти-

«Саркофаг»

вазия кровли». В переводе на русский язык это означало, что требовалось раздолбить, соскрести и отправить вниз для захоронения гигантского количества обуглившейся рубероидной массы, содержащей великое множество осколков графита и ядерного топлива, с головной нахрыпавший блок во время взрыва. В основном эту работу выполняли обыкновенные штатские люди.

На черномырских военных сборах им первый раз в жизни показали, как работает мирный атом. И даже разрешили поглотать.

В министерских кабинетах понимали вытекающие отсюда проблемы и, крепко подумав, приняли очень правильное решение о создании централизованной радиационно-дозиметрической службы, формируемой исключительно из числа профессионалов, работающих на предприятиях атомной отрасли. Причем, созданная структура существовала как бы сама по себе и была подотчетна только Москве. Ее работникам вменяли в обязанность неотступно следить за всеми действиями военнослужащих и участвующих в деле подразделений гражданских строителей, с тем чтобы предельно ограничить неизбежный вред. Белов, объявившись в Чернобыле, первым угодили в эту насмешную ловушку, где его тотчас пристроили гвардии радovým на передний край.

Чернобыль научил осторожности. Дозиметристов задували. Особенно профессиональных — делали свое дело спокойно, без суеты, как бы игнорируя окружающее пространство. Белов тоже старался. Вместе со всеми. Иногда получа-

лось. Лучше всего получалось по вечерам. Когда весь искурившийся, он устал нажиму компании зашедших в гости военных, неуверенно подсаживался к старенькому разбитому фортепьяно и заземлившись от волнения пальцами принимался старательно выводить: «Раскинулось море широко». Классная вещь оказалась, раньше как-то не думал. В оконцове — полный минор, в самую душу заходит. Растрескавшись клавиши творили волшебство. Грозные воины целенели, делались будто младенцы. Давились слезой. Утирались. Всплывали. Потом хохотали. Потом все это несколько раз повторялось. (Пианист беззвучно подвывал.) Наконец, они немного успокаивались и принимались за вокал. Наперевоб. По нарастающей. Пытаюсь выйти на сопрано, да поминутно путая и песню, и слова. Ну точно как артисты, когда вывляют. (Да когда быки в пути на бойню.)

Сзади на крышу опустилась большая ворона. Уселась. Громко каркнула.

Белов вздрогнул, очнулся. Замахал руками и прогнал прочь нехорошую птицу. Долго делал сухие левки — сперва через одно плечо, потом через другое. Потом зачем-то показал сам себе фигу и успокоился. Можно было возвращаться вниз. Про ворону и думать забыл. А зря. Белов сложил вчетверо находящийся у него лист бумаги — план крыши, испещренный дозиметрическими знаками. Подробная карта радиационной обстановки. Шаг за шагом, в трех уровнях: вплотную к поверхности и два замера повыше. Ничего особенного не обнаружил. Правда, в одном месте что-то было. Прибор сильно шкалился. Но так, по его сведениям, работу на сегодня не планировали. Упратал документ во внутренний карман телогрейки. Для надежности пристегнул карман на булавку. Зачехлил прибор, подцепив к нему штангу с датчиком — повисла шлагой. Напоследок взглядел еще. Полесские дали, рассеянные излучением Припяти. Загораживает. Потглубже вздохнул, двинулся к пожарной лестнице, по которой забрался утром. Остановился немного, не доходя, увидел понарому рабочей площадке возле третьего блока: везде кишня кишит. Все кверху дном. Эскаваторы роют, бульдозеры зарывают. Одни самосвалы загружаются, другие ссылают. Одни автобусы людей провозят, другие увозят. Везде тарыхтит, гремит, ухаект, пылит, извергает дым. Все покрывает какой-то туман: липкий, отдак керосином. По стене надшиного зала снизу вверх на крышу бесшумно крадетсся лифт. Большой, вместительный. Грузопассажирский. В кабине рабсила. Битком. (Наверняка матеряется — тесно.) Внизу на земле, в тех местах, где нету машин и механизмов, тоже много движется, в постоянном движении. Кто-то движется в одиночку, кто-то группами. Большинство — маршируют ротами. Навстречу друг другу. Громко топаят — слышно. Быстрее всех двигаются трое бойцов в про-

свицованных фартуках, возле большой кучи мусора. Грузят мусор поштатами в бронированный самосвал. В ста метрах от них какой-то холерик. Заламывает руки и громко раскрывает рот. Наверное, водитель самосвала. Наверное, ему кто-то не нравится. Посреди всего этого, проткнув небо, торчит циклопических размеров башня — подъемный кран немецкой фирмы «Демаг». Назужностью напояннаек колодезный журавль. (Где-нибудь у тигхой олицыци.) Только заместо бадейной водички — нечистоты с крыши. В железных кубиках.

Тут глаз Белова наткнулся на одноэтажный кирпичный домик — бывший буфет для работников станции. Сейчас, в эту минуту, где-то внутри него сидит непростудственный начальник Белова. Сидит и ждет разведанных по крыше. Эту штатскую единицу прислали в Чернобыль из очень секретного подмосковного НИИ. По прибытию он тотчас проник в кабинеты, и кто-то из здешних начальников опознал в нем дальнего родственника (правда, с трудом). Молодой ученый наконец пошел в гору (правда, по административной части). Подчиненные проиеж себя стали называть его «Руководство», злился (правда, для виду). Сегодня утром он полушепотом сообщил Белову, что на станцию, специально для третьего блока, поступила какава-то удивительная светотехника. Страшно дефицитная, чуть ли не по импорту. Принято, мол, решение — эту штуку срочно задействовать. Ночная смена жалуетси — внизу, на площадке, свету мало. Уе нашли подходящую крышу, — свободная и расположена удобно. Сгоняй, дескать, проверить, что там делается, на этой крыше. А после обеда — туда же с электромиком. Проектора эти чертыва, глядишь, и пристроите между делом. Потом вывел Белова на улицу: — Он там, — говорит, — солнцем улитная, а там и есть. Аккурат на тебя смотриат. А там уен, сбюку, на стене, лесенка приделана. Железная — для пожарников. По ней и залезешь — для управившихся. Весь разговор. Выполнил, дескать, жуду.

Крыша как крыша — бетонная. И лесенка — ничего. Смотрился. Вблизи, правда, какал -то вовсе не такая она оказалась. Неосновательная, что ли, будто для декорации. Ступеньки — уж больно далеко друг от друга. Чуть ли не через метр проточки эти прыткуются. Ограждения снаружи нету. Чуть рука подведет — сплютишься. Наверное, проект такой. Пилотный. Экспериментальный — для Чернобыля. А может, действительно, для пожарников (люди-то тренированные). Как-то болжно стало. Пащаном у дружочка на балкон вышел, вилу глянул — зашатало. К земле — как магнитом: высоко показалося. После остерегался. Задавать вопросы не стал. Тут это не любит.

Заждался, наверное, начальник. Волнуется. Белов сделал шаги, вился за поручни, наклонился и очень пристально посмотрел вниз. В самую землю, прямо в

упор. Обмер. Земля задвигалась, заходила ходяком, стала совсем близко — рукой подать. Чуть не прыгнул. С усилением переборол гипноз.

Белая матерчатая шапочка на голове стала темной от влаги. Наконец, слава богу, — земля.

Тут в него ударил невротический приступ. В голову полезли диковинные мысли. — За все сегодняшние треволнения ему вручают какой-нибудь симпатичный значок... Или даже орден! — Все честь по чести, официально: — «за беспринципную верность долгу при выполнении разведзадания государственной важности». Моральное поощрение можно будет пристегивать на лиджак во время праздников 1 Мая и Дня Победы. Шизофрено выключил незлобивый малый, давно отянувшийся неподлежку: врубил большой импортированный красноплут, и сразу — на полную громкость. От радости, что заработало — тут же вырубил. Уши заложило. Зато, мозги, наконец, угнездились. Пришло просветление. Белов в один ниг забил свои нескринные фантазии. А вот ощущение того, что будто заново родился, нигде не подевалось. Укоренилось и приунылось. Настырный тип повторил упреждение. Адская штукарина взревела louder прежнего. Белов заткнул уши и дал ходу. В сторону бывшего бубета.

Влетел авионут как ошаренный. На пороге чуть лоб не расшиб — локти в проем не вписались (руки-то в уши засунул). Проскочил коридорчик, и — вторая дверь налево. Ткнул салогом — открылась. С облегчением опустил руки. В помещении — никого. Не распространили ни капелки. Глянул на стол — записка, приделана графинком с водой: — Срочно вызвали в город. Важное совещание. К вечеру буду. И караул внизу — подпись тренеру. Начальственную. (Мог без караула — почери характерный. Женский какой-то.) Белов почесал в затылке: — С электриками непонятно получается. Может, завтра подойдут. Прямо с утра. Оно бы даже лучше: на полное брахо-неудобо спорт заниматься. Приярко-прикладным. Не садясь, по вычке оглядел помещение. Сумрачное, узкое вытянутое. С потолка вода в тазик капает. Самое сухое место — рабочий стол. Массивный; столешница добротная, толстая, с инкрустацией. Бухгалтер бубета пользовался. Ее кабинетик здесь помещался. На столе — дозиметрический прибор для контроля облучения людей (когда с здания приходит). Тоже основательный. Как сумдук. Рядом телефонный аппарат — черный, тяжелый — килограмм на три. Или четыре. Сбоку ручка приделана, как у якорубы: сперва покрути, потом разговаривай. У стены — два вестистических холодильника (тоже по наследству). Всюкую уварь там тепле держат — прибор, спецдежду, противоязды. Дальше, в торце — занавеска, за ней — диван. А там и окошко. С решеткой из

другой. На север смотрит, полумрак создает. Стены сплошь увешаны плакатами. Цвета густые, насыщенные. Наглядная агитация Всесоюзного Общества Трезвости. Внесо обоев повесили. Бумага хорошая — толстая. (Кое-где, правда, тоже подмокла.) Воздух в комнате сырой и холодный, запах — книжки выворачивает. Как в море.

Белов освободился от своего прибора — убрал в холодильник. Уселся за стол. Вдохнул, привалился к стене. Посидел, успокоился. Потом достал листок с картограммой, развернул, разглядел — отложил в сторону. Пролетал рабочий журнал — не нашел никаких указаний. Удивился. Распечатал пачку «Беломора», перевел стул в положение кресла-качалки и, утвердив сапожки на раритетной столешнице, закурил. Только сделал первую, самую сладкую затяжку — снова земля задвигалась: наваждение, — в точности как на крыше. В голове колотуха включилась: — Надо тянуть. Грам стук. Или двести, чтобы кошмар не мерещился. Несколько раз громко чихнул. Резко повернулся на стуле в сторону холодильника, где обычно прятали спирт. Замер. Прислушался.

В быту, в часы досуга, за соблюдением норм общности следила группа товарищей очень преклонного возраста. Старая гвардия атомной отрасли. (Дозиметристы «первой волны», как один — с оружейных заводов.) Реактивностью движений сильно напоминающие мушкетера, они возникали как посланники с того света поближе к ночи и принимались излагать тактику поведения в сложившейся ситуации. На полуподпольных сходках эти уважаемые в народе люди взахлеб уверяли собрание в том, что единственно возможный способ выжить в черныбыльской душегубке — это ежедневно заплывать натуральный спирт. Вместо мистурмы, — утром, в обед и вечером. Дескать, классная штука. Проверено. Заменяет второе дыхание. А сухой закон — кабинетная придурь: — В ниг скопытишься. Или крыша отчалит.

Белов встал, чиркнул сличкой, потом еще. Долго в волнении раскуривал потухшую папиросу. Руки дрожали. Желание крепло.

Неожиданно из стены, прямо из-под наглядной агитации, на него надвинулся серый утес в генеральском мундире — начальник политотдела. Очень авторитетный. Действовал в Чернобыле по заданию ЦК — уничтожал алкоголизм. Искоренял идею чуждый фактор. Работал как зверь. Не покладая рук. Нередко брал идею работу на дом. А там напропалую — до утра. Пока не уничтожит весь алкоголизм. До капли. Раз в неделю, во воскресенье, словно исполняя пункты устава, генерал впадал в благодушие — веселил народ (идея поднятия боевого духа). Делал это решительно, будто как шел в атаку.

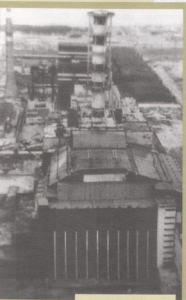
В остальные же дни — сущий дьявол. Маньяк. Дискусий не признавал — от-

рывал башку. Тем, кто возражал, отрывал все остальное. Белову сделалось нехорошо: еще чуть-чуть и обморок. Ноги подкосились, он беспомощно повалился на стул. Ткнулся лбом в рабочий журнал, нехорошо замчал. Через минуту внутри мягко хрустнуло, отпустило. Следом пришло успокоение. Белов поднял голову — Фантома исчез. Дрожание прекратилось. Желание улетучилось. Чуть парализовался, записал идейные шатания на счет нечистой силы, кшабар тут же на болотца. (Прямо за заводом станция.) Осушил графин — утихомирился.

Вспomnia последнюю придурку Руководства — все без исключения отснятые картограммы в обязательном порядке прорисовывать на миллиметровке. С масштабом, по линейке. — в шести экземплярах. Один — для него, «личном». Один — в рабочую папку (хранится здесь же, в столе). Один — начальству службы. Остальные — черт те куда, чуть ли ни в ООН. Достал из стола все, что полагается: миллиметровку, копировальную бумагу, линейку, карандаш. Все обшарил, отыскал-таки и резинку стиральную. (Кружала, — под диван закатилась.) Занялся делом. Пытел, — как первоклассница. Старался до обеда успеть. Получилось. Все, что сделал, рассказал, куда требует. Сходил с графинком в коридор — водички набрал. Никого не встретил. Двери — все на замке. На сторожке. Обычно — доплатой не провернуть, а тут — тишина. Будто вымерли. Все до единого. Подумалось — неужто от радиации? Не должно. Сам чужак в ункой книжке — при таких дозах — лет через десять... ну через пять. Да и то не все. А только половина. В животе заурчало. — Это, наверное, от голоду. — бред какой-то в голову лезет, надо бы на обед.

А кормии в Чернобыле ой как здорово. Как на убой. Особенно в коридорехе. (Столдовая такая — народ окрестил, неподлежку от центра города.) Внутри всегда чисто, много света. Дняты специальные — для calorийности. И сервис на уровне. Закодишь — датчик висит, с решеткой железной. Радиационный контроль — для гигиены. Удобно — ноги датчиком вытер — и в транспортёр. — Нередь подошла — блюда сами к тебе выкатываются, дымок пускают — для аппетита. Во всех углах, на отдельных столиках — зелень живая. Петрушка, укроп, лук, молодой — целые стога. Пообедал — мителгентно поспидел, поперезавал. Нинто не проглотит. Надумал — отосле в уголоч. Поставил культуру, травки пошпал — для витаминно.

В коридоре слышалась шум (наконец-то живая душа). Не салого. Что-то шестелестящее. Или шаркающее. — Наверное, «люжники» объявились. (С ними на болотца какого-то шудт: на лыжах ушел и с концами.) Действительно, в дверях появилось некто. Вернее, нечто: вроде живого, но в панцире. — Глухой брентовой комбинезон с отверстием для лица. На голове — зинья солдатская шапка со

«Саркофаж»

звездой, уши завязаны на затылке. Сверху — оранжевая каска, заломлена чуть вбок и назад. Вместо лица — темные облегающие очки, респиратор. Вместо рук — резиновые краги. На ногах, поверх сапогов, — новенькие пластиковые бахлы.

Убедившись, что ему ничего не угрожает, он как-то неуверенно, боком, пропихнул себя в дверной проем и, изловчившись, примостился напротив, подстелив на сиденье газетку. Прогудел приветствие — респиратор отвибрировал. Сунул Белову красную книжечку. Удостоверение «Инженер по технике безопасности» (на фото кто-то другой). Достал из палочки банку — типографией пахнет. На бланке вверху заголовок — «Инструктаж по ТБ», и номера инструкций впечатаны, — штук десять. Или двадцать. Взял со стола ручку, вписал фамилию Белова, проставил дату: — Распишитесь. Белов исполнил. Потом, подумав, спросил, какой из этих номерочков гарантируют от верхолазных недомоганй. Получив ответ, обрадовался. Попробовал дач почитать. Посетителя завернул — всю неделю не спал. Готовил в печать. Скоро пришел. Весь комплект целиком. Почитаешь. Непривычно длинная речь, похоже, сильно утомил его — залыхался. А сооробрав, что неублаженный клиент не удовлетворился разъяснением и что без вразумительного ответа ему живым отсюда не уйти, он поспешно регитировать: подскокил, будто прокаженному сунул Белову свою резиновую клеюню, уронил стул и скрмылся. Едва не своротит косяк. В ко-

ридоре снова зашаркал. Как лыжник. Белов посмотрел на часа, нажал пакетник, закрыл дверь помещения на ключ и вышел на свежий воздух — дожидаться автобуса.

Рядом с кирпичной развалюхой он увидел свежесмыпанную кучу синева-того леска. Привалился задом, потом спиной. Засыпая, подумал: — Вчера, под вечер, отгрузил точь-в-точь такой же, синеваый — в мотыльник отходов. Прибор шкалил как бешеный. Скоро подкатил автобус и увез Белова на обед. На обратном пути разморило. Всю дорогу проспал, завалившись лбом на сложенные спереда руки. Зычный украинский баритон чуждого водителя разбудил Белова на самом интересном месте душеприятного снахождения — про возвращение домой, к родимой семье, с колеской гигантских топылянов. Салон автобуса оказался безлюден. Белов виновато посмотрел и мешком вывалился наружу. Руководство по-прежнему «срочно отсутствовало». Электриков не было тоже. Белов отдернул занавеску и прилеп на диван — досмотреть интересный сон.

Разбудили. И как-то не очень вежливо. Руководство сидел возле дивана на коротках и двумя руками раскачивал Белова за плечо, изливая начальственный гнев: — Вставай! Спишь всю дорогу. Увидев проткрывшийся глаз, он как будто б отступился — утих. Распрявился, прислонил себя к стене. Шелюху зажатой, закурил. Какую-то хитрую сигарету с жевитим, будто сахар, дымом. Потом отошел поближе к двери — и уже оттуда возобновил беседу. Бранился. Гроико. Как настоящий командир. Рассказал про Белова, какой он есть нехороший человек и растленный тип, почти уголовник. И вообще — страшно несознательный, не понимает «существо момента». Дескать, в тот самый ниг, когда здесь, в Чернобыле, ставят на уши ось мироздания, этот увальня — хоть бы хны. — Наобедался, за казенный счет. Набил живог. Как удав. И спит. Как пожарная лошадь. Остановился (поперхнулся) — резко зашелся в кашле. Провалился в голосе, замолчал (как бы выдохся). Но оправился, сделав трудное мозговое усилие, зацепил-таки, гад за живое. Попал , наконец куда метил. «Закладная» начальству — и все. Кранты. У начальства руки длинные. До Уральских гор. «Важное совещание» явно пошло ему на пользу. Или во вред. (Спросился сразу и не сообразил — трудно.)

Белов подлялся. Плелся из графиня на в ладошку, оничил глаза и лоб. Потом приложился губами, утерся и звонко икнул. Кажись, очухался. Сел на стул возле стены, сделал внимательное лицо. Руководство занял место за столом, недоважно наступился. Очень долго молчал. Почти как мыслитель. (Белов между тем клонил носом.) Наконец, он решился: набрал в легкие побольше воздуха и, набычившись, выпалил: — Работы непроворот. Нормативы внедрять будем. На-

учные нормы труда. Увидев недоумевающее лицо, бросился комментировать, помогая себе руками. Главный плановик выступал. Начальник отдела. Вот где башка ! Три часа без остановки. Да складно так, доходчиво. Стратегию по экономике рассказывал. Ты ведь вроде как гранитный, в общем и целом в курсе, наверное. Так вот, про научные нормы разъяснение делал. Рассказывал, как их к нам применить. Все разжевал. Разложил по полочкам. Учил, как минути рабочую рассчитать. Как ресурсы по-умному тратить. И вообще, мужик очень знающий. Толковый, начитанный, сразу чувствуется. От сопричастности к Великому Руководству аж выпрыгнул, увеличился в размерах. Лицо одухотворенное сделалось. Аж пятнами.

Белов сразу вспомнил этого академика. Видел его в местном клубе — тот выступал перед народом после киносеанса. Держался молодцом — шарил без бумаги как заведенный. Призывал повышать показатели. Бойцы не возражали — одобрительно похлывали (разморило в тепле). Когда закончил — громко хлопали. Белов еще подумал тогда — такой молодой и уже на такой должности. Наверное, сильно умный. И с народом зарпосто: как свой, подходы понимает. Про повышение показателей, правда, не понял: — Куда выше —то? — дозиметры лопнут. Тут внимание Руководства привлел болшущий рыжий таракан, как ни в чем не бывало совершающий свою трапезу прямо на столе, повернувшись задом к аудитории. Сидел, как в ресторане, и весь мыча от удовольствия, за обе щеки уплетал увестную хрюпу от быфитекса (вчера обедали на месте — накрошили). — Ну форменный бандит. Бесстыдник. Плевал на все, что здесь произошло. (На планы будущих свершений тоже.) — Гляди-ка, тварь какая. Щас, гад, нажрется — и в кусты. И горя мало. С этими словами Руководство привстал, сложил пальцы в ладошку — что было силы трахнул по столу. (Хотел убить.) Не тут-то было. Зловредное животное, снабженное усамн- пелегантоном, в последний ниг почувало опасность — укрилось от возмездия. И как сквозь землю: ни гу-гу. — Ушел, гад, — руку больно. Дад упоксения нервов Руководство опустошила графин. Половину — внутрь, половину — на пылающую руку. Закрыл на ключ входную дверь и сказал что-то про хроническое недосыпание, скрмылся за занавеской. Белов спросил про электриков, стараясь погорче. За шторкой — молчание, скрмыл дивана. Чуть погодя — монолог, прерываемый шумным зеванием: — Как ты вышел — звонили. По крыше твоей. Сказали не надо, отбой. К фонярин документы нашли. Мощность сильно болашая. С запасом. Хотят выше поставить.

ЧАЭС, март-апрель-май 1987 г.